

И.А. Быков

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

**ВЛАСТЬ И ВЛИЯНИЕ:
К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ТЕОРИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»**

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности властных отношений в концепции «мягкой силы», а также анализу места стратегических коммуникаций и пропаганды в современной мировой политике. Основным методом исследования стал критический анализ программных текстов Джозефа Ная и других исследователей теории «мягкой силы». Делается вывод о наличии проблемных зон в данной теории. В частности, существуют проблемы оценки политического влияния, которое может быть оказано с помощью стратегических коммуникаций и пропаганды, что значительно снижает научный потенциал теории «мягкой силы».

Ключевые слова: стратегические коммуникации; мягкая сила; внешняя политика; связи с общественностью; пропаганда.

I.A. Bykov

**POWER AND INFLUENCE:
ON THE QUESTION OF THE SCIENTIFIC POTENTIAL
OF SOFT POWER THEORY**

Abstract. The article is devoted to the study of the essence of power relations in the concept of «soft power», as well as to the analysis of the place of strategic communications and propaganda in modern world politics. The study applies a critical analysis of the pivotal texts written by Joseph Nye and other researchers of the theory of «soft power» as a main research method. It is concluded that there is a problem in this theory. In particular, there are significant questions about assessing the political influence that can be exerted through strategic communications and propaganda, which significantly reduces the scientific potential of the theory of «soft power».

Keywords: strategic communications; soft power; foreign policy; public relations; propaganda.

Статья рассматривает актуальное состояние исследований властных отношений в теории публичной дипломатии. Хотя сам термин «публичная дипломатия» был впервые предложен еще в 1965 г., научная дискуссия о разнице между «традиционной публичной дипломатией» и «новой публичной дипломатией» продолжается [Публичная дипломатия, 2017]. Сейчас считается, что с начала XXI в. публичная дипломатия демонстрирует признаки перехода от первого ко второму. В настоящее время академические дискуссии о влиянии публичной дипломатии обычно связывают ее с концепцией «мягкой силы», предложенной Дж. Наем, и склонны принимать размер «мягкой силы» страны в качестве основного показателя, с помощью которого можно оценить эффект ее публичной дипломатии. Однако тут важно уточнить, как именно с публичной дипломатией соотносится более фундаментальный концепт власти и каков реальный потенциал влияния «мягкой силы» в международных отношениях.

Популярность концепции «мягкой силы» Дж. Наея в научных и общественно-политических кругах, очевидно, появилась не на пустом месте и является результатом эволюции теории международных отношений и междисциплинарных исследований, а также серьезной полемики между различными научными школами и политическими силами внутри США. Согласно распространенной точке зрения, властные отношения между людьми и между государствами определяются различиями имеющихся у них ресурсов. Соответственно, чем больше ресурсов находится в распоряжении политического актора, тем больше власти он имеет. Классическим преломлением этой идеи для международных отношений стало описание структуры национальной силы Гансом Моргентау, который считал, что ее формируют следующие ресурсы: 1) география; 2) природные ресурсы; 3) производственные (индустриальные) мощности; 4) военный потенциал; 5) численность населения; 6) национальный характер; 7) моральный дух нации; 8) качество дипломатии [Моргентау, 1965: 440]. Опираясь на эту концепцию, американский политолог Пол Кеннеди в 1987 г. опубликовал книгу «The Rise and Fall of the Great Powers», в которой с цифрами и фактами доказывал, что эпоха доминирования США в мировой политике подходит к концу [Kennedy, 1987].

Именно в полемике с методологическими подходами школы реализма появилась концепция «мягкой силы» Дж. Наея. В своих книгах он прямо ссылается на работы Роберта Даля и его взгляды на природу политических отношений, которые значительно отличаются от концепции власти как ресурсов. По мнению Даля (а вслед за ним и Дж. Наея), политическая власть — это отношения влияния и под-

чинения, т.е. отношения (реляции) между политическими акторами, которые носят динамический и вероятностный характер. Основываясь на подходе «реляционной власти», Даль дал классическое определение, которое широко принято и цитируется в области международных отношений: «Так называемая власть — это способность А заставить Б сделать что-то, что он или она в противном случае не сделал бы» [Dahl, 1957]. Подход «власть как ресурсы» определяет «власть» как то, что мы сейчас обычно называем «способностями», тогда как подход «реляционная власть» подчеркивает влияние «власти» одного актора на поведение других акторов. В этом плане обладание какими-то ресурсами еще не значит гарантированной власти по отношению к другим, что оставляет значительное пространство для публичной дипломатии.

Согласно определению Найа, «мягкая сила» — это способность получать то, что вы хотите, посредством привлечения, а не принуждения или оплаты [Nye, 2008]. Или, более конкретно, «способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие “проплаты”». Такая власть возникает из привлекательности культуры той или иной страны, ее политических идеалов и политики. Когда наша политика воспринимается другими как легитимная, наша гибкая власть усиливается» [Най, 2006: 18]. Очевидно, что определение «мягкой силы», данное Наем, следует подходу «реляционной власти». То, что он называет «мягкой силой», подчеркивает влияние одного субъекта, а не ресурсов, которыми он владеет, на поведение другого субъекта. Най отмечает, что общее между «мягкой силой» и «жесткой силой» заключается в том, что оба вида силы могут изменить поведение других стран. Разница между ними состоит в том, что это изменение осуществляется разными способами. Мягкая сила действует через привлечение, а жесткая сила — через принуждение или побуждение (шантаж).

Остановимся на взглядах Дж. Найа на стратегическую коммуникацию, которая рассматривается им в рамках реализации публичной дипломатии. Очевидно, что категория стратегической коммуникации в специальной литературе получила самые разные трактовки и не имеет единого, методологически выверенного подхода [Гавра, 2015]. Существующие подходы варьируются от бизнес-стратегии до военно-политической технологии [Paul, 2011]. С точки зрения Дж. Найа, стратегическая коммуникация — это один из параметров публичной дипломатии. Публичная дипломатия не может быть сведена к связям с общественностью, так как «передача информации и “продажа” позитивного имиджа — часть публичной дипломатии,

которая подразумевает строительство долговременных отношений» [Най, 2006: 151]. При этом простой пропаганде часто не хватает достоверности, она контрпродуктивна. Следует оговориться, что это мнение Дж. Ная в последние годы подвергается серьезным сомнениям из-за значительного распространения новых форм политической пропаганды по всему миру, в том числе в области международных отношений [Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации, 2023].

Всего им выделяется три параметра публичной дипломатии: повседневная коммуникация, стратегическая коммуникация и долгосрочные взаимоотношения. Стратегическая коммуникация в интерпретации Дж. Ная больше напоминает PR-кампанию как в политической или рекламной кампании. Вот как он пишет: «стратегическая коммуникация планирует символические акции и коммуникации на протяжении года, чтобы придать некий бренд центральным темам или продвинуть некую особенную правительственную политику» [Най, 2006: 153]. На наш взгляд, это слишком узкий подход к определению стратегических коммуникаций. Сильной стороной авторского подхода является акцент на исследовании роли международного общественного мнения во внешней политике и проблем взаимодействия «жесткой» и «мягкой» власти.

Большое внимание в концепции «мягкой силы» Дж. Ная отводится современным цифровым коммуникациям, которые серьезно изменили международные коммуникации и фактически привели к разрушению монополии англо-американских СМИ. В этой области отмечается работа таких телеканалов, как Russia Today и Al Jazeera. Глобальная сеть Интернет привела к относительному повышению значения инструментов «мягкой силы». В последних работах Дж. Ная была предложена идея «киберсилы», которая может быть использована в качестве инструмента внешнеполитического воздействия, как в варианте «мягких», так и в варианте «жестких» методов [Най, 2014].

Исследования Джозефа Ная прекрасно встраиваются в систему современной публичной дипломатии, которая связана с широким использованием технологий по связям с общественностью для формирования позитивного имиджа государства. Специальный анализ базовых внешнеполитических концепций стран Евразийского экономического союза показал, что до недавнего времени во всех странах использовались элементы теории «мягкой силы»: «общественная дипломатия», «народная дипломатия», «цифровая дипломатия», «гуманитарная дипломатия», «имидж страны» и некоторые другие

[Быков, 2023]. Технологии стратегической коммуникации действительно стали неотъемлемой частью продвижения национальных интересов за рубежом [Минаева, 2021].

Оценивая научный потенциал концепции «мягкой силы», следует отметить ее высокое значение в современных условиях, поскольку произошло значительное изменение в мировой политике ввиду развития современных технологий коммуникации, бизнеса и общественных отношений. С другой стороны, следует отметить целый ряд существенных недостатков. Во-первых, существуют проблемы с переводом и консенсусным пониманием сущности «мягкой силы». Некоторые исследователи продолжают трактовать это понятие с точки зрения ресурсных характеристик. Отсюда возникает и существенная путаница с переводом и содержательным наполнением понятия. В России «soft power» переводят по-разному: и как «мягкая сила», и как «гибкая власть». Или вообще никак не переводят, как в коллективной монографии под редакцией О.Ф. Русаковой. Путаницы добавляет сам автор концепции, когда в своей книге «Будущее власти» пишет о «smart power», а также о «киберсиле». Множественность названий и трактовок приводит к потере эвристической силы концепции, снижает научную релевантность методологии.

Во-вторых, в значительной степени остаются нерешенными проблемы оценки воздействия «мягкой силы» в качестве внешнеполитического инструмента. Данные проблемы изначально присутствуют в концепции «реляционной власти» Роберта Даля, о которой мы писали выше. Существуют серьезные проблемы с наблюдением самого факта оказания политического влияния. И если в случае с «жесткой силой» эти факты довольно легко фиксируются в форме международных договоров и союзов, то в случае с «мягкой силой» это значительно сложнее. Сам Най, разумеется, видит эту проблему и предлагает решить ее следующим образом: «Чтобы оценить, является ли некий конкретный ресурс ресурсом гибкой власти, способным привлечь людей, следует измерить его при помощи опросов общественного мнения или изучения фокусных групп. В свою очередь, о том, приведет ли эта привлекательность к достижению желаемых политических результатов, следует судить в каждом отдельном случае» [Най, 2006: 32]. Но и при таком подходе возникают вопросы о роли политического класса, который может принимать внешнеполитические решения, опираясь на национальные интересы, а не на мнение избирателей.

Литература

Быков И.А. Стратегические коммуникации в развитии мягкой силы стран ЕАЭС // Российская школа связей с общественностью. — 2023. — Вып. 30. — С. 10–27.

Гавра Д.П. Категория стратегической коммуникации: современное состояние и базовые характеристики // Век информации. — 2015. — № 3. — С. 229.

Минаева Л.В. Стратегическая коммуникация как инструмент продвижения национальных интересов страны // Российская школа связей с общественностью. — 2021. — Вып. 20. — С. 52–77.

Най Дж. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. — Новосибирск: Тренды, 2006. — 221 с.

Най Дж. Будущее власти. — М.: АСТ, 2014. — 444 с.

Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2023. — 424 с.

Публичная дипломатия: Теория и практика / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 272 с.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. — Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015. — 376 с.

Dahl R. The Concept of Power // Systems Research and Behavioral Science. — 1957. — № 2 (3). — P. 201–215.

Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. — N.Y.: Random House, 1987. — 667 p.

Morgentau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. — N.Y.: Knopf, 1965. — 524 p.

Nye J.S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 616. — № 1. — P. 94–109.

Paul C. Strategic Communication: Origins, Concepts, and Current Debates. — Westport: Praeger, 2011. — 256 p.